

Ольга Рубинчик

Легенда о птице Феникс

О Тамаре Владиславовне (Владимировне) Петкевич¹
(29 марта 1920 г., Петроград – 18 октября 2017 г., Санкт-Петербург)

Вместо некролога

Едва ли не последние написанные Т. В. Петкевич строки – это строки короткого вступления к книге «Шепот пепла. Письма Александра Гавронского», вышедшей в марте 2017 г. Эта книга, где она указана как автор, на самом деле – публикация обращенных к ней писем ее лагерного режиссера и пожизненного друга, которого она называла «мой первый и главный Учитель». Письма же Тамары Владиславовны к Гавронскому не сохранились, он был вынужден их сжечь. Начинается вступление словами:

«Древние римляне считали, что в истории человечество ищет огонь, а не пепел. Согласна! Однако в фазе пепла огонь сохраняет немалые тайны. Мы помним, что пепел стучал в горячее сердце Тиля Уленипигеля. Знаем и легенду о птице Феникс, которой дано возрождаться из пепла...»

Сколько смыслов, сколько разных граней у этого высказывания!

Конечно, говоря о пепле, Т. В. Петкевич имела в виду всех, ставших, по Ахматовой, «горстью лагерной пыли», но также и тех, кто выжил, и саму себя. «В общем, порванная жизнь уже не восстанавливается. Если даже очень хочешь, даже стараешься, и как будто и жизнь идет навстречу в чем-то, то все равно она уже состояться не может», – сказала Тамара Владиславовна в одном интервью². Этому нельзя не поверить, но и поверить тоже нельзя. Тот, кто читал книги воспоминаний Т. В. Петкевич, и тем более тот, кто ее видел, был с ней рядом, знает, что она была самой жизнью, воплощенной цельностью.

О пепле, стучавшем в сердце. Однажды после очередных похорон Тамара Владиславовна сказала: «Остались одни могилы». Я спросила: «Как это вынести?» Она ответила: «Это вынести невозможно. К какому имени не притронешься – такая боль! Я все время помню драму, муку их жизней. И у меня такое чувство, что я виновата перед ними, что я

---

¹ В паспорте, полученном Тамарой Владиславовной Петкевич в 1950 г. после освобождения из лагеря, было проставлено неверное отчество – Владимировна. С тех пор у Т. В. Петкевич было два отчества. До выхода книги «Жизнь – сапожок непарный» ее чаще называли Владимировной, после выхода книги, где звучит имя отца, – Владиславовной.

² Волчек Д. О книге Тамары Петкевич «На фоне звезд и страха». Радио «Свобода», передача «Культурный дневник», 11 декабря 2008 г. <https://www.svoboda.org/a/476642.html>

*эту муку должна как-то искупить»*³. Когда с конца 1960-х гг. она по ночам, освобождаясь от работы, семьи, других человеческих обязанностей, стала писать воспоминания, в 1993 г. вышедшие под названием «Жизнь – сапожок непарный», это не было созданием собственно книги, это была, по ее словам, *«неотменимая потребность вернуть в жизнь хотя бы некоторые имена, обстоятельства прежних лет и судьбы ушедших людей»*⁴.

О птице Феникс.

Личный опыт Тамары Владиславовны был таков, что хватило бы на десяток трагических судеб. Арест и гибель отца. Гибель матери и одной из сестер в блокадном Ленинграде. Пребывание другой сестры в детском доме – в то время как сама Тамара была за тридевять земель вместе со ссыльным мужем, а затем – под арестом и в лагере. Семь лет лагерей, поначалу – общие работы, на грани гибели. Множество предательств, среди них – предательство мужа. Затем предательство лагерного друга, который отнял у нее сына. Отношения с сыном, всю жизнь остававшиеся живой раной. Смерть в лагере бесконечно любимого человека. Годы, проведенные в ссылке, с запрещением жить в 39 крупнейших городах. Мучительное возвращение в «вольную» жизнь.

Да и дальше было непросто, – тем более что Тамара Владиславовна все проживала с остротой, обычно людям несвойственной. *«Вы все увеличиваете»*, – сказал ей один из друзей-литераторов, прочитав рукопись будущей первой книги. Действительно, она видела каждый миг жизни, каждую ее песчинку необыкновенно крупно.

Лагерная актриса, затем ссыльная, игравшая «на птичьих правах» в провинциальных театрах, она не считала свою актерскую судьбу состоявшейся. На мой вопрос: *«А какую роль хотелось бы сыграть – и не удалось?»* – ответила: *«Мечтала сыграть Настасью Филипповну»*. Перечитывая роман, я вспомнила об этом. И поняла. Она хотела сыграть страдание и красоту. Наверно, это бы получилось – с ее опытом, куда более страшным, чем у героини Достоевского. Вот когда от лица Настасьи Филипповны действительно было бы больно. И можно было бы поверить, что красота спасет мир. Своего рода выходом на большую сцену, где играется спектакль вровень с античной трагедией, стали мемуары Т. В. Петкевич.

---

³ Здесь, как и в нескольких местах далее, я включаю уже публиковавшиеся фрагменты своих бесед с Т. В. Петкевич и статей о ней: Рубинчик О. «Опыт преодоления»: К 80-летию Тамары Петкевич // Русская мысль. № 4311. Париж, 5 апреля 2000. С. 13; Рубинчик О. Что принесла мне воля: О новой книге Тамары Петкевич «На фоне звезд и страха» // Новая газета в Санкт-Петербурге. № 17 (1335). 13 – 16 марта 2008. С. 15.

⁴ Петкевич Т. В. Жизнь – сапожок непарный. СПб.: Астра-Люкс, Атоксо, 1993. С. 5.

Т. В. Петкевич в роли Ксении в пьесе В. А. Дыховичного и К. М. Симонова «Друзья остаются друзьями». Кишинев, 1950-е гг. Архив Т. В. Петкевич (наследники).

Для множества людей ее «Сапожок» оказался спасительной книгой. Об этом ей писали и говорили, я и сама слышала это много раз. Я спросила Тamarу Владиславовну:

– Как получилось, что ваша книга дарит людям ощущение смысла и света, несмотря на весь ужас описываемых в ней событий? Это далось вам само или вы что-то отсекали в книге?

– Как огонь возникает от трения, так ощущение света, я убеждена в этом, возникает от соприкосновения с душой собеседника. Конечно, я пережила и видела гораздо более страшные вещи, чем те, о которых написала. Но любой человек, испытавший несчастье, будет говорить о своем духовном или душевном переживании, а то, как он бился ночами головой об стену, он вряд ли расскажет. Это, в общем, не то, что нужно. Нужен опыт преодоления, верно?

– То есть тем самым вы берегли читателя?

– Нет. Просто гораздо нужнее это. Я бы погибла уже давно, если бы жила с ощущением только кошмара. Кошмара столько в жизни, что если мы будем делиться этими кошмарами, то мы и шага не сделаем вперед. Я верю, что у каждого человека есть ощущение золотого сечения. Исторические катаклизмы уничтожают нормальную единицу измерения. Можно культивировать эту ненормальность. Но, если у вас есть хоть какое-то здоровье, хоть

немножечко солнца в крови, вам всегда захочется держаться золотого сечения. Пока оно не потеряно, это какой-то шанс сохранить равновесие.

Да, «солнце в крови», «золотое сечение» – это в ней было, есть это и в ее книгах. Прочитав «Сапожок», философ, бывший лагерник Г. С. Померанц написал Тамаре Владиславовне:

«...На последних страницах нашел слова Хеллы – совсем как мои: “Жизнь наделила нас... изнутри идущим огнем...” Что-что, а захватывающую душу искренность вы отвоевали у жизни с лихвой. И вот это все будило в людях человечность. Даже в следователе, в начальнике тюрьмы, в надзирателе. Это то, что потрясает.

... Вот вы и высказали себя всю, думая о других. “Очарованная душа” (это о вас верно сказали), проходя через ад, на миг даже бесов завораживает. В этом особое обаяние этой книги. Вы уступаете Шаламову по мастерству, но духовно вы мне бесконечно ближе. В книге много того, что поверх тюремного и лагерного быта, что-то неповторимое, и это неповторимое – вы»⁵.

И до выхода «Сапожка», и в особенности после вокруг Тамары Владиславовны было множество людей. Я никогда не видела, чтобы человека так любили. На дни ее рождения съезжались родные и друзья не только из разных городов России, но и из разных стран. Перед ее благородством, талантом, красотой, «вечной женственностью» преклонялись, перенесенные ею страдания вызывали немедленный отклик, желание что-то для нее сделать – она умела все это царственно и благодарно принять, но дело не в этом! Царственность, потребность в признании, идущая, может быть, от подлинно актерской сути, – лишь одна из сторон этой великой женщины. Ее не любили бы так преданно, так многолетне, если бы не ее глубинная потребность в людях, не самоотдача, равной которой мне не приходилось видеть.

Я помню, как однажды она разговаривала по телефону с бывшим коллегой. По моему, это был незрячий директор Дома культуры слепых – там Тамара Владиславовна долгое время работала художественным руководителем (не забуду, как много лет спустя хор слепых выступал на ее юбилее). Разговор был очень напряженный. Тамара Владиславовна убеждала собеседника не уходить с работы, объясняла, почему он обязательно должен остаться на своем месте. Но убедить не удавалось – и она вдруг зарыдала. Она рыдала и продолжала его убеждать.

Помню и один свой телефонный разговор с ней, когда мне надо было ложиться на операцию. Я узнала об этом в тот день, еще не успела примириться с новостью, к тому же мучили боли – и я, говоря об этом, заплакала. И она, без слез и лишних слов

---

⁵ Петкевич Т. В. На фоне звезд и страха. СПб.: Балтийские сезоны, 2008. С. 474 – 475. В последней главе издания опубликованы некоторые из писем, пришедших Тамаре Владиславовне после выхода книги «Жизнь – сапожок непарный».

переносившая на моих глазах гораздо более серьезные операции, заплакала в ответ: *«Если с вами что-то случится – и со мной немедленно случится»*.

Многие, очень многие могут вспомнить ее отклик и деятельную поддержку в трудное для себя время.

Никто не вслушивался, не вглядывался в собеседника так, как она. Никто не обнимал, прощаясь, с такой благодарностью, с таким теплом. И ведь – еще раз скажу – это было обращено ко многим. К ней приходили и приезжали люди из разных краев. Почти не имея иногда сил поднять трубку, она все-таки никогда не выключала телефон: *«А вдруг у кого-то что-то случится?»* И телефон звонил постоянно. Лишь в последние месяцы жизни, когда она беспомощно лежала и уже не могла распоряжаться собой, сиделка часто выключала его. Но когда кто-то из друзей говорил, что не может ей дозвониться, потому что телефон отключен, Тамара Владиславовна отвечала с жаром: *«Это бред! Он всегда включен, я запрещаю его выключать!»*

Всеми своими рецепторами она была подключена не только к прошлому, но и к настоящему – к людям и к миру. Еще несколько лет назад она смотрела по телевизору все новости: *«Иногда я до такой степени переселяюсь туда, что забываю, что я в комнате»*. Про российские события сказала как-то: *«Жизнь стала чудовищно страшной»*. А про мир в целом, включая небесные сферы: *«Мир существует в такой страшной схватке»*.

Но жадно ловила и все, что происходило хорошего, интересного, ее волновало будущее, волновали открытия, научные гипотезы, мистические прозрения. Она радовалась цветам, улыбалась друзьям, отзывалась на шутку и даже слегка кокетничала с давними поклонниками. *«Пойми, ты обязана жить!»* – когда-то написал Тамаре влюбленный в нее лагерный друг. – *«Ты заядлый, проверенный радостник»*. И она жила, с трезвой готовностью к концу и с ощущением драгоценности жизни: *«Просыпаясь утром, я смотрю в окно и думаю: “Мне дарован еще один день”»*.

Когда мы познакомились – в 1993 г., после выхода «Сапожка», – Тамаре Владиславовне исполнилось уже 73 года. Здоровья не было, но еще не было седых волос, и силы были – всегда последние, но недюжинные. *«Мне силы откуда-то даются»*. – *«Когда очень надо?»* – *«Именно так: только когда очень надо»*. В это время она часто выступала: сначала с презентацией книги, потом просто на вечерах, ей посвященных. Как бы ей ни было плохо перед выступлением и после него, во время встреч происходило волшебство: на сцену выходила царственная красавица. Она представляла перед читателями и как

свидетельница, готовая рассказать о своей эпохе, и как живое свидетельство «выстаивания и преображения»⁶.

Из записанного на магнитофон разговора тех лет:

– Тамара Владиславовна, как изменилась ваша жизнь, когда книга была опубликована?

– Очень изменилась. Это вообще другая жизнь. Все открылось по-другому. Я думала, что никаких неожиданностей уже не будет, что я достаточно ведаю и вряд ли что-нибудь еще открою новое. И тем не менее я заново открыла людей. Я об этом попробую написать. Глубинное сострадание людей к моей судьбе, как и мое сострадание к тем, кто прошел схожие дороги и не выразил это, он живет с этой болью. Мы просто узнали друг друга.

– Человеческая любовь, человеческое сочувствие и чужие судьбы в таком объеме – это тяжело?

– Тяжело. Но и утешительно. Есть у Набокова, по-моему, удивительное определение. Он говорит: «Непостижимое слово “домой”». И теперь, как ни странно, это взаимное сострадание я ощущаю общим домом.

– Приходится ли готовиться к встречам в залах?

– Я не могу сказать, что готовлюсь к встречам. Готовность имеет только одну форму – открытости и искренности. Смысл этих встреч для меня – в диалоге. Это беседы на равных началах.

– Они дают вам какой-то новый приток сил?

– Несомненно, вы знаете, какими красивыми и естественными бывают люди, если создается атмосфера доверительности, когда можно существовать без всякого стремления быть не собой! Ведь каждый из нас существует тогда не в одиночку, а со своими биографиями, проблемами, вопросами, воспоминаниями, понимаете? После этих встреч остается чувство полноты жизни. И это помогает мне отрицать собственный опыт...

На вечерах прочитавшие «Сапожок» спрашивали, что было дальше, после лагеря, просили о продолжении книги. Фазиль Искандер написал Тамаре Владиславовне: «Я уверен, что ваша книга навсегда останется в русской литературе... Хотелось бы, чтобы вы еще что-нибудь написали, столь же мощное и убедительное. Хотя, конечно, наше время менее всего способствует самоуглублению. Однако дух веет не только, где хочет, но и когда хочет»⁷.

И во второй половине девяностых годов, когда ей было под восемьдесят, Т. В. Петкевич взялась за вторую книгу. Она писала ее на компьютере – в то время, когда компьютеры только появились в России. По ее просьбе ей прислали «бэушный» компьютер друзья из Германии. В отличие от многих, включая меня, у Тамары Владиславовны ни на минуту не возникло страха или отвращения к этому инструменту.

⁶ Существует серия «Антология выстаивания и преображения», в одной из книг которой рядом с фрагментами воспоминаний Т. В. Петкевич опубликованы отрывки из романа В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба», статья Г. С. Померанца и др.: Жизнь – сапожок непарный. М.: Пик, 2001.

⁷ Петкевич Т. В. На фоне звезд и страха. СПб.: Балтийские сезоны, 2008. С. 472–473.

Ей только чуть показали, как с ним обращаться, – она сразу села и начала работать. Когда что-то не получалось, могла часами искать нужную кнопку, комбинацию клавиш – и в конце концов справлялась. Она не была техническим гением: устав осваивать новое, не научилась переписывать набранный текст на дискету (флешек еще не было) – это делали друзья из тех, кто помоложе. Но она обладала удивительной способностью концентрации внимания, силой воли и силой желания.

В 2006 г. вторая книга была вчерне готова. Я, по просьбе Тамары Владиславовны, стала одним из «своих», неофициальных редакторов рукописи. Тамара Владиславовна принимала бóльшую часть поправок; если же что-то не принимала, то мягко. Порой вроде бы соглашалась, но впоследствии, уже без меня, возвращала прежнюю фразу или находила новый вариант. Трудность работы для меня была не в общении с ней, а в понимании, что, приближая написанное к литературной норме или снимая переизбыток эмоций, который мог бы вызвать раздражение читателей, я лишаю текст оттенков вложенного Тамарой Владиславовной смысла, ее дыхания. Каждый оборот, пусть даже невнятный или вроде бы повторяющий уже сказанное, был наполнен этим дыханием, этим смыслом – и потому прикасаться к тексту было страшно. Возможно, робость мне в чем-то и помешала. Рукопись не требовала композиционных изменений, как в свое время рукопись «Сапожка» (по словам ее неофициального редактора С. В. Дружининой, она была сокращена раза в два, до того издательства от нее отказывались). Но все же, может быть, и вторая рукопись требовала более уверенной редакторской руки.

После долгих, упорных размышлений Тамара Владиславовна нашла для новой книги замечательное название – «На фоне звезд и страха». Не хуже, чем «Жизнь – сапожок непарный». Талант Т. В. Петкевич называть книги вытекал из большего – из дара наполненного и самобытного слова, любого слова, письменного или устного.

Книга «На фоне звезд и страха» вышла в 2008 г. К тому времени «Сапожок» был неоднократно переиздан; в ряде стран появились его переводы. Хотя по трагизму, по мощи материала вторая книга уступала первой, она была горячо принята ожидавшими продолжения читателями. Резо Габриадзе назвал ее «дивной прозой»⁸. Позднее, после доработки, книги составили двухтомник под единым названием «Жизнь – сапожок непарный». Уже несколько раз двухтомник был выпущен петербургским издательством «Балтийские сезоны». Главный редактор издательства Е. С. Алексеева говорит: *«Интерес к книгам Тамары Владиславовны постоянно высок. Каждый год уходит тысяча экземпляров»*.

---

⁸ Габриадзе Р. На старых весах. Петкевич Т. В. На фоне звезд и страха: Воспоминания. СПб.: Балтийские сезоны, 2008 // Петербургский театральный журнал. 2008. № 3 (53). <http://ptj.spb.ru/archive/53/bookshop-53/nastaryx-vesax/>

Т. В. Петкевич. Левашовское мемориальное кладбище (СПб.). День памяти жертв политических репрессий. Архив Т. В. Петкевич (наследники).

Слава, награды, интервью, множество людей вокруг – и пожизненное, приступами, чувство одиночества. С 1998 г., с момента смерти мужа, режиссера Владимира Александровича Галицкого, – одинокое житье в квартире. Много помощников – и слабеющие силы, больницы. Великолепная память, такая же ясная и глубокая, как ум, – и слова, в августе 2015 г. произнесенные в больничной палате, при внимательном, пристальном наблюдении за старухой, забывшей даже свое имя: *«Вот что меня ждет»*. Около двух лет назад появились первые признаки ослабления оперативной памяти, около года – серьезные проблемы с ней. Но прошлое и, соответственно, всех нас, Тамара Владиславовна прекрасно помнила до самого конца. Последние два года у нее была круглосуточная сиделка.

Еще в марте 2016 г., накануне 96-летия, Т. В. Петкевич дала интервью для радио «Свобода», – рассказала, как страна оплакивала смерть Сталина. Интервью назвали «Когда Сталин умер, я танцевала». Медленно, с трудом Тамара Владиславовна говорила: *«Я не понимала, за что его любят. Он приносил моей семье только беду. Понимаете, навик думать самостоятельно не воспитывается, потому что много лжи, правда не в чести, правда гораздо труднее, чем ложь. <...> Современная жизнь тоже не хочет утруждать себя – так*

лучше, так легче, легкомысленнее. Потребность раздумывать, искать истину не воспитывается»⁹.

В июне 2016 г. Тамара Владиславовна участвовала в церемонии установки мемориальной таблички «Последний адрес» своему отцу – на доме № 50 по 1-й линии Васильевского острова¹⁰.

В начале того же года было написано вступление к книге «Шепот пепла». А в марте 2017 г., перед презентацией этой книги, было записано видеоинтервью с Т. В. Петкевич¹¹: она вспоминала про А. О. Гавронского, про лагерный театр. Пришлось вырезать куски с повторами, в результате интервью получилось очень достойным, его показали на вечере. Сама Тамара Владиславовна присутствовать на презентации уже не могла, но с радостью слушала рассказы о ней – это было такое сильное впечатление, что оно некоторое время держалось в памяти.

Невероятные усилия, которые она делала в последнее время, чтобы выныривать из тюрьмы собственного тела навстречу приходившим и звонившим ей людям, были сродни подвигу.

Когда я после месячного перерыва была у нее 16-го октября, – как оказалось, за два дня до смерти, – она, тяжело дыша и почти не имея сил открыть глаза, попросила: «*Расскажите о себе*». Слушала с огромным усилием, задремывала, просыпалась. «*А что на улице?*» Держала меня за руку и отпустила ее, только когда крепко уснула. В тот же день у нее была М. В. Галицкая – дочь Владимира Александровича, 17-го – К. Н. Глотова. Наверное, в эти дни приходил и еще кто-то. Это было ей нужно (недели за две до того я по телефону извинилась, что не могу прийти: болею, боюсь ее заразить, – она ответила горячо: «*Ну что вы! Приходите – просто сядете подальше*»). 18-го октября, часа за три до смерти ей звонила давняя подруга Е. А. Фролова. Тамара Владиславовна говорила ей, какие они с ее мужем (А. С. Бергером) верные друзья.

Около семи вечера, почувствовав себя лучше, она впервые за неделю встала, а через несколько минут упала и умерла.

21 октября на отпевании в Соборе Владимирской иконы Божией Матери было около двухсот человек. Похоронили Т. В. Петкевич на Комаровском кладбище. День похорон был сияющим, редкостно красивым. Не припомню этой хмурой осенью другого такого дня.

---

⁹ Передача «История», ведущий Д. Волчек, 13 марта 2016 г. <https://www.svoboda.org/a/27605368.html>

¹⁰ См. видеозапись выступления Т. В. Петкевич во время этой церемонии:

<https://yandex.ru/video/search?text=%D0%A2.%20%D0%92.%20%D0%9F%D0%B5%D1%82%D0%BA%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87%20%D0%9F%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%B9%20%D0%B0%D0%B4%D1%80%D0%B5%D1%81&path=main&reqid=1509566419252648-12566224043231102974237-man1-4426-V>

¹¹ Презентация проходила в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. Видеозапись была сделана инженером музея Д. А. Фетисовым, беседу вели Т. С. Позднякова и К. Н. Глотова.

Меня могут упрекнуть в том, что я создала идеальный образ, легенду, а ведь живой человек не может быть идеалом, у него неизбежно есть свои недостатки, свои слабости. Да, конечно. Идеалом Тамара Владиславовна Петкевич не была. А вот птицей Феникс – была.